

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-1-39-54

**ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ**

*П. Г. Крикунов, С. Н. Шкель*¹

В статье анализируются особенности протестной активности Республики Башкортостан в период 2008–2015 гг. в сравнении с соседними регионами: Пермским краем и Тюменской областью. Анализ данных проводится как с помощью количественных, так и качественных методов. Для определения динамики протестной активности использован событийный анализ (event-analyses) с применением программы «Интергрум», базирующейся на выборке публикаций из средств массовой информации. Этот метод позволил прийти к выводу о сравнительно низкой интенсивности протестных акций в Башкирии по сравнению с данными показателями в соседних регионах. Для объяснения причин этого факта был использован качественный метод в виде неформализованного интервью гражданских активистов и политиков рассматриваемого региона. Используя аналитическую рамку Ч. Тилли, в статье делаем вывод, что главными факторами, ограничивающими развитие протестной активности в Башкирии, являются слабость организационной и ресурсной базы оппозиции, дефицит мобилизации, двойственность структуры политических возможностей и волатильность политических циклов.

Ключевые слова: событийный анализ; политический протест; мобилизация; политический кризис; Республика Башкортостан.

Электоральный цикл 2011–2012 гг. стал отправной точкой влияния протестной активности на политические процессы в России. Если до этого

¹ Крикунов Павел Геннадьевич – аспирант кафедры политологии, социологии и связей с общественностью, Уфимский государственный нефтяной технический университет. E-mail: Pashakrik1992@mail.ru.

Шкель Станислав Николаевич – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, старший научный сотрудник Центра сравнительных исторических и политических исследований при Пермском государственном национальном исследовательском университете, профессор кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: stas-polit@yandex.ru.

© Крикунов П. Г., Шкель С. Н., 2018

акции протеста были сравнительно немногочисленными, то в данный период «уличная политика» стала достаточно заметным феноменом российской политической жизни [13]. Вместе с тем динамика, частота, численность и репертуар протестных акций существенным образом отличаются в разных российских регионах. Это открывает большие перспективы для исследования факторов протестной активности регионального населения в сравнительной перспективе.

В данной статье представлен сравнительный анализ протестной активности населения Республики Башкортостан с данным показателем в Пермском крае и Тюменской области с целью выявления общего и особенного в характеристиках политической мобилизации регионального населения. Работы А. В. Семенова были использованы в качестве источников данных по Пермскому краю и Тюменской области [12], а также служили ориентиром в плане методики и техники сбора данных по Республике Башкортостан. Следуя его исследовательской стратегии, данные по Республике Башкортостан были собраны с помощью базы данных «Интегрум», которая агрегирует сообщения более чем из 40 000 российских средств массовой информации и интернет-источников и позволяет осуществлять поиск по ключевым словам. Использование аналогичной базы данных и методик, с одной стороны, позволило избежать смещений, связанных с отдельными изданиями, с другой – дополнить и скорректировать данные в случае пропусков и расхождений.

Кроме того, для профилактики расхождений в определении событий были использованы классификационные критерии Д. Макадама, согласно которым каждое событие должно соответствовать трем основным критериям: 1) быть публичным; 2) включать двух или более участников; 3) не должно быть организовано государством или коммерческой структурой [16,6].

Динамика протестных акций в Республике Башкортостан в период 2008–2015 гг.

Республика Башкортостан – достаточно сильный в экономическом плане регион, предприятия нефтяного сектора являются его опорой. Политическая жизнь республики всегда была достаточно консервативной, о чем свидетельствуют рейтинги уровня демократичности российских регионов, согласно которым Башкортостан в постсоветский период неизменно относился к одним из самых авторитарных субъектов Российской Федерации [14]. Можно отметить высокую степень консолидации региональных элит и даже их «кла-

новость» [2,13]. Оппозиция в таких условиях всегда занимает маргинальное положение. Оппозиционные партии в республике довольно слабые и немногочисленные. Но даже в такой слабоконкурентной политической ситуации событийный анализ протестной активности демонстрирует рост количества протестов в конце 2011 г. Так же дела обстоят и в Пермском крае, и в Тюменской области, но в этих регионах масштабы протестной активности были заметно шире. За период с 2008 по 2012 г. в Тюменской области было зафиксировано 325 акций протеста, в Пермском крае – 161, а Башкирии – всего 44 (рис. 1).

Из представленных данных видно, что в Башкирии население гораздо менее активно, чем в других соседних регионах. По динамике протестной активности Башкирия больше похожа на Тюменскую область, в обоих регионах отмечается бурный рост количества протестов в период с 2008 по 2011 г., а затем идет спад активности. В Пермском крае не наблюдается таких выраженных скачков. Степень вовлечения в протестную активность населения так же различается. За период с 2008 по 2012 гг. в протестных акциях в Башкирии участвовало 10,5 тыс. протестующих против 17,8 тыс. в Тюменской области и 18 тыс. в Пермском крае.

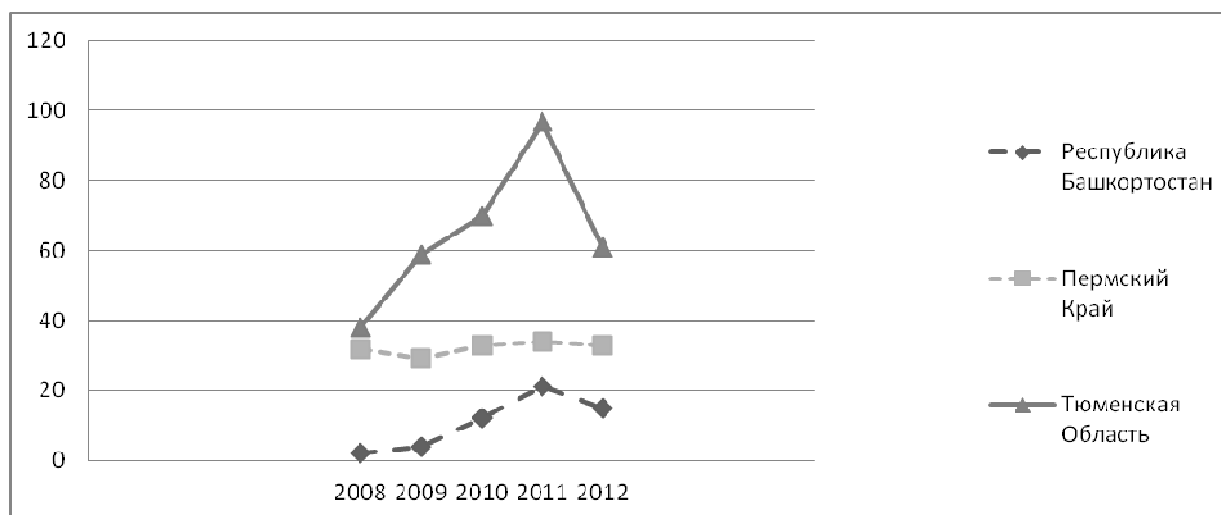

Рис. 1. Динамика протестных акций в Республике Башкортостан, Тюменской области и Пермском крае (2008–2012 гг.)

Для упрощения классификации протестных акций А. В. Семенов выделяет три основные категории требований: экономические, гражданские и локальные (требования городской политики) [12,159]. В Республике Башкорта-

стан по этой классификации прослеживается довольно интересная динамика протестных акций, которая представлена на рис. 2.

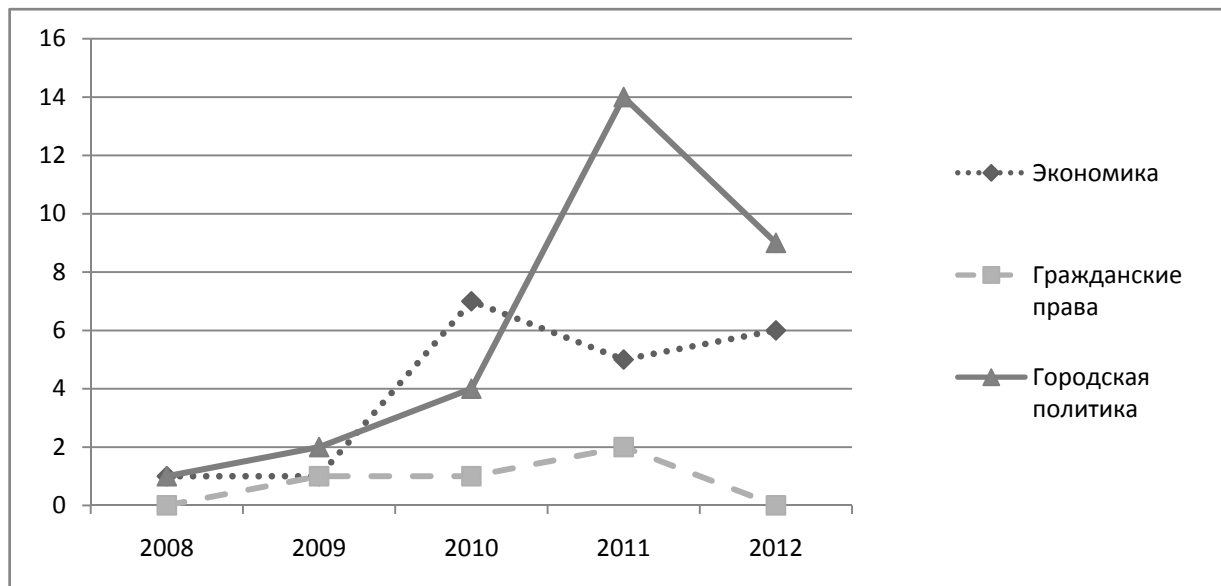

Рис. 2. Динамика протестных требований в Республике Башкортостан в распределении по основным требованиям

Из данного графика видно, что в Башкирии рост протестных акций связан, в первую очередь, с городской политикой. Данную тенденцию можно с уверенностью связать с деятельностью «объединенной Башкирской оппозиции» и движения «За честные выборы», которые на своих митингах выдвигали, в основном, политические требования. Можно отметить достаточно низкий уровень гражданских протестов, но с 2012 г. наблюдается их активный рост. Это связано с тем, что в это время в регионе было крайне активно движение «Антикхроношпан», которое выступало против строительства промышленного завода «Кроношпан» [6].

Если сравнивать Башкирию с двумя соседними регионами, то можно отметить, что существуют расхождения в динамике распределения требований (рис 3–5). В Башкирии, так же, как и в Перми, с 2011 г. на первый план постепенно выходят политические лозунги, связанные с недовольством результатами выборов и действующей властью, в то время как экономические проблемы и гражданские требования отходят на второй план. В Тюменской же области на первый план вышли экономические требования, и только за ними – политические.

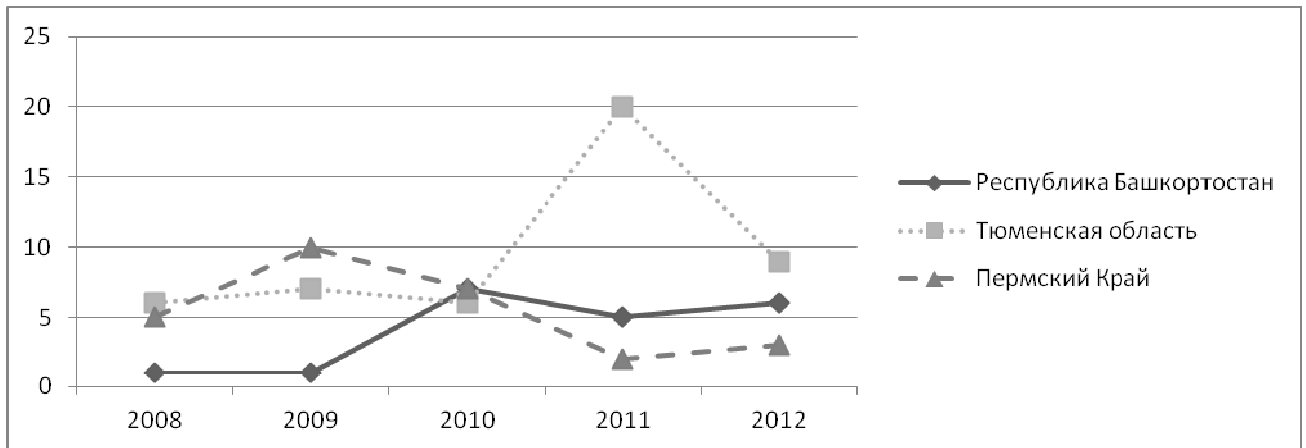

Рис. 3. Динамика протестов с экономическими требованиями в Башкирии, Тюмени и Перми за 2008–2012 гг.

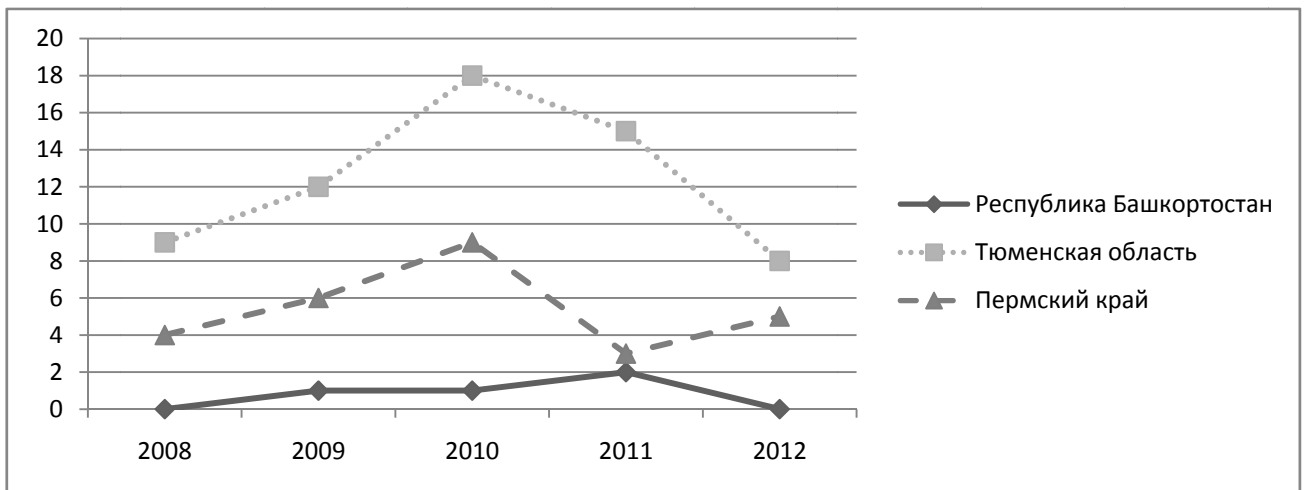

Рис. 4. Динамика протестов с гражданскими требованиями в Башкирии, Тюмени и Перми за 2008–2012 гг.

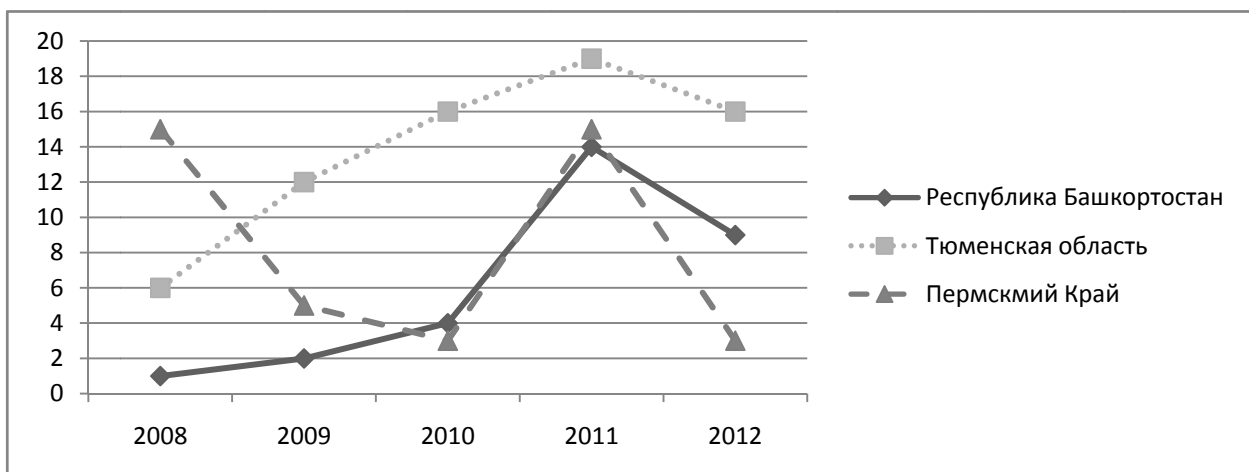

Рис. 5. Динамика с локальными требованиями в Башкирии, Тюмени и Перми за 2008–2012 гг.

Таким образом, приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что протестная активность в Республике Башкортостан, по сравнению с двумя другими соседними регионами (Пермским краем и Тюменской областью), выражена на гораздо более низком уровне. Это справедливо как по количеству протестных мероприятий, так и по количеству участников данных мероприятий. Согласно данным, приведенным А. Семеновым, в Тюмени интенсивность участия превышает показатели Перми: за пятилетний период в Тюмени зафиксировано 17,8 тыс. протестующих (4,4 на 1000 населения), в Перми – 18 тыс. (1,9 на 1000 населения) [12,157]. В Башкирии же за аналогичный период времени в протестных акциях приняло участие 10,4 тыс. (1,1 на 1000 населения).

Выявленные отличия в динамике и репертуаре требований протестующих в каждом из регионов требует объяснений. Для этого нами был предпринят сбор данных с помощью качественного метода в виде неформализованного интервью, которые мы взяли у участников протестных акций в Республике Башкортостан и ряда региональных политиков. Результаты анализа этого круга источников представлены в следующей части статьи.

Причины низкой протестной активности населения Республики Башкортостан

Причины и факторы протестной мобилизации населения находятся в фокусе исследовательского интереса многих ученых. На примерах различных стран исследователи отмечают диверсификацию динамики протестных акций в разных случаях. Так, например Ч. Тилли, Д. Макадам и С. Тарроу, в своей совместной работе описывают два различных случая революции: восстание «May Day» в Кении и «Желтую» революцию на Филиппинах [17]. Из этих примеров следует, что одинаковые по своей сути процессы могут довольно сильно отличаться по своей динамике и результатам. Они указывают, что в целом траекторию и конечный результат мобилизации редко можно определить заранее, так как они не подчиняются шаблонам. Мобилизационные процессы часто отличаются друг от друга тем, что последовательности, комбинации, взаимодействие и контекст различных процессов активируют их различными путями.

О непредсказуемости мобилизационных процессов говорит и Т. Куран, который в своей работе описывает ситуацию потери власти коммунистами в странах Восточной Европы под давлением массовых протестов [18]. Автор говорит о том, что данные процессы не были предсказаны ни одним политическим обозревателем того времени. Т. Куран связывает это с тем, что поведение масс часто просто невозможно предсказать, так как феномен «фальсификации предпочтений» вводит в заблуждение любой социологический опрос, а вместе с ним и всех политических «предсказателей». Люди, участвующие в опросах, часто склонны давать те ответы, которые от них хотят услы-

шать. Это происходит в силу различных причин, например, страха репрессий или конформизма. По мнению Т. Курана, это делает политические предсказания, основанные на общественном мнении, малоинформативными и даже опасными [18,15].

Тем не менее, некоторые исследователи предлагают перечень факторов, наличие которых делает массовый протест если не неизбежным, то более вероятным. Так, Ч. Тилли подробно разбирает вопросы, касающиеся мобилизации населения, выделяя пять ключевых компонентов, необходимых для того, чтобы какое-либо коллективное действие состоялось: 1) интерес; 2) организация; 3) мобилизация; 4) возможности; 5) коллективное действие [15,7]. Данные компоненты могут служить аналитической рамкой для анализа причин специфики протестной активности в Республике Башкортостан в сравнении с данными показателями в соседних регионах. Рассмотрим каждый из этих компонентов в контексте данных о протестной активности в Республике Башкортостан.

Интерес. За исследуемый период в Республике Башкортостан произошло достаточно много резонансных событий, которые вызывали общественный интерес как на федеральном, так и на региональном уровне. Среди самых громких – «Монетизация льгот» и «Движение за честные выборы». Помимо них существуют сходные с другими регионами проблемные точки, такие как проблемы обманутых дольщиков, безработица, низкие заработные платы, коррупция и. т. д. Очевидно, что поводов для проявления массового недовольства у жителей Башкирии никак не меньше, чем у жителей соседних регионов. Отсюда следует, что причины низкой протестной активности следует искать в других компонентах.

Организация. Основными организаторами протестных мероприятий в республике Башкортостан за период 2008 – 2012 гг. являлись следующие организации и партии: КПРФ, Яблоко, Справедливая Россия, Левый фронт, ЛДПР, Кук–Бурэ. Однако, как следует из результатов опроса участников протестов и региональных политиков, возможности у этих партий достаточно ограничены. Так, активист уфимского Яблоко Виктор Золоторев характеризует степень влияния региональных политических партий на протестную активность в регионе следующим образом: «Оппозиционные партии в нашем регионе крайне слабые, такие партии, как КПРФ, ЛДПР и Справедливая Россия на сегодняшний день представляют собой некий симбиоз Единой России: по факту это просто фракции правящей партии, которые по всем основным вопросам не спорят с Единой Россией, они голосуют одновременно и как им скажут, их все устраивает. Данные партии довольны положением как на уровне Государственной думы, так и на уровне нашего Курултая. В нашем регионе сложилась такая ситуация, когда на договорной основе выделяется определенное количество мест для каждой партии. На сегодняшний день в

нашем регионе существует чисто чиновничья власть, и существование протестного движения в таких условиях крайне затруднительно» [6].

Тем не менее, было бы неправильно говорить, что роль политических партий в организации протестов совсем минимальна. Участники движения против строительства деревообрабатывающего завода «Кроношпан» отмечают существенную помощь от оппозиционных партий, которые подключились к протесту в период выборов в Государственное собрание Республики Башкортостан – Курултай в 2013 г. Однако, преследуя свои собственные политические интересы, данная помощь оказывалась партиями только до оглашения результатов выборов. После завершения избирательной кампании политические партии потеряли интерес к протестной стратегии и перестали оказывать организационную помощь протестующим. Активист движения «Стопкроношпан» Евгений Давыдов считает, что факт изоляции партий от протеста после выборов является значимой причиной угасания протеста. Говоря о причинах поражения протеста, он отмечает: «Причин конечно много, одной из причин я считаю отсутствие долгосрочной помощи от партий, так как после окончания выборов они от протеста отошли» [6]. Лидер движения «Антикроношпан» П. Ксенофонтов тоже считает, что отказ партий от участия существенно ослабил протест. Он указывает, что после разрешения на строительство наших активистов, которые блокировали подъезды к стройке, начали арестовывать, и протестная активность пошла на спад: «Когда у нас начались проблемы, нам особо никто не стал помогать из политических партий, даже когда я просил дать мне юристов, никто не мог поддержать в этом» [10].

На слабость ресурсной базы региональных политических партий как значимого фактора слабости протестного движения в Башкирии обращает свое внимание специалист по работе с болельщиками футбольного клуба «Уфа» Андрей Коленченко: «Стоит отметить тот факт, что региональные оппозиционные силы очень сильно ограничены в финансах и материальной поддержке. Это может легко подтвердить тот факт, что за все время существования «фанатского» движения в Уфе мне известен только лишь один случай, когда некая политическая сила за материальное вознаграждение (достаточно скромное) предлагала фанатам поучаствовать в протестной акции. Хотя в Москве и Санкт-Петербурге данная практика в начале двухтысячных носила массовый характер, группировки футбольных фанатов были довольно частыми спутниками таких мероприятий. Фанатов приглашали и как простых участников, и как охранников, а также мне известны случаи, когда фанаты участвовали в разгоне демонстраций. На сегодняшний день данная практика получала категорическое неодобрение в «околофутбольном», «фанатском» сообществе, но все равно подобные случаи происходят. Что касается нашего региона, как я уже отмечал, мне известен только один подобный случай, и я связываю это с тем, что у местной оппозиции просто нет денежных средств для этого» [5].

Таким образом, в силу того, что политические организации в Республике Башкортостан являются достаточно слабыми, имеют небольшое финансирование и малое количество сторонников, протестные акции, которые организует какая-либо из перечисленных организаций, редко собирают более 100 участников. Тем не менее, в сочетании с самоорганизацией населения и наличием политических факторов, таких как выборы, роль политических партий в организации и помощи протестующим может быть достаточно значительной. Однако, как показывает опыт Республики Башкортостан, политические факторы в силу своей динамики и волатильности могут выступить как фактором развития протестного движения, так и его ограничителем. Завершение электорального цикла привело к падению интереса со стороны партий к протестному движению в Уфе, что явилось одной из причин сокращения протестной активности в регионе.

Мобилизация. Третьим неотъемлемым компонентом, который выделяет Ч. Тилли, является «мобилизация». Под данным термином понимается процесс коллективного контроля ресурсов, необходимых для массовых акций. Чем больше у протестного движения ресурсов, тем больше у него шансов на мобилизацию. Рабочая сила, деньги, голоса избирателей, поддержка населения – все это необходимо для успешной протестной мобилизации. Часто случается так, что существующие организации имеют большое количество сторонников, но при этом не имеют ресурсов. При этом необходимые ресурсы могут быть сосредоточены в руках отдельных лиц, и только при их взаимодействии возможна успешная мобилизация [15,7].

Опыт протестных акций Республики Башкортостан подтверждает данный тезис. Наиболее массовые протестные акции возникали именно там, где еще до появления проблемы и роста протестных настроений сложилась инфраструктура и ресурсные возможности. Так, центром протестной мобилизации против строительства завода «Кроношпан» стал частный сектор района г. Уфы, жители которого в силу нерешенности вопроса благоустройства начали самостоятельно создавать коллективные формы самоорганизации для решения чисто хозяйственных задач. При появлении проблемы строительства завода «Кроношпан» данная инфраструктура стала использоваться для мобилизации, организации, выработки совместной стратегии и решения проблемы коллективных действий. Лидер движения «Антикроношпан» П. Ксенофонтов так рассказывает историю рождения протеста: «Началось все с переезда в Дорогино, где я своими руками построил дом, сам я по образованию юрист. Я всегда мечтал уехать за город, хотелось жить в чистом месте, и когда нам объявили, что в этом районе будет промзона, и нам нужно с этим смириться, меня это крайне возмутило. Мы начали собирать информацию о данном производстве и, в частности, о заводах «Кроношпан» в других странах, были просто в ужасе от увиденного и приняли решение о том, что нельзя допустить строительство данного завода. Я и до этого занимался организаци-

онной деятельностью в нашем поселке. Мы коллективно занимались вывозом мусора и уборкой снега в нашем поселке, так как мы не были ни на чьем балансе и были предоставлены сами себе, благодаря этому у меня уже на тот момент была довольно обширная база телефонных номеров местных жителей, с помощью которой я мог организовывать людей. Далее данная база расширялась, люди сами мне предоставляли свои телефонные номера через группу Вконтакте. В конечном итоге у меня набралось около двух тысяч телефонных номеров. С помощью смс-рассылки мы собирали людей на митинги и другие акции. В базе были не только жители Дорогино, а также жители Шакши и других районов г. Уфы. Также у нас был человек, который занимался смс-рассылкой, он предоставлял нам хорошую скидку. Далее я собрал городские телефонные базы, и рассылка шла уже на сто тысяч мобильных номеров. Конечно, это было дорого, но несколько раз подобные рассылки мы проводили» [10].

Руководитель регионального отделения партии Яблоко Сергей Наумкин как одну из причин массовости протестного движения против строительства завода «Кроношпан» видит наличие в регионе элит, которые появились после смены в Башкирии главы региона. Последний фактор он связывает с политическим интересом оппозиционных элит. С. Наумкин так поясняет свою точку зрения: «Наиболее активно протесты выражались, когда началось строительство завода «Кроношпан». В первую очередь, нашлись люди, которые были крайне недовольны строительством подобного предприятия буквально у них на голове. Также важным моментом было то, что элита, отстраненная от власти, люди Рахимова, тоже поддержали этот протест, играя свою игру. Нашелся конкретный человек, Павел Ксенофонтов, которого я оцениваю крайне положительно, он действовал, на мой взгляд, с чистыми намерениями, желая перенести это вредное производство подальше от жилых поселков» [16].

Как уже указывалось выше, организационные и медийные ресурсы политических партий, которые в определенные моменты поддерживали протесты, также играли значимую роль в протестной мобилизации населения. В то же время, говоря о мобилизации в рамках Республики Башкортостан, следует сказать, что к протестам присоединялись только оппозиционные партии, которые с точки зрения ресурсов не являются самыми сильными. Ни одна оппозиционная сила в республике не имеет достаточных ресурсов для осуществления значимой мобилизации широких слоев населения. Отсутствие оппозиционных средств массовой информации также оказывает негативное влияние на мобилизацию, ведь граждане часто просто не знают о готовящихся протестных акциях. Важным моментом является и то, что региональные политические или экономические игроки, имеющие необходимые для мобилизации населения ресурсы, как правило, не поддерживают протестные начинания.

Координатор башкирского отделения ЛДПР Вячеслав Рябов, объясняет низкий уровень протестного движения в Башкирии общей спецификой политической жизни на уровне регионов: «Надо понимать, что Москва – это столица и, соответственно, там и жителей больше, поэтому и протестов возникает больше. Да и вообще, Башкирия довольно спокойный регион, не могу припомнить, чтобы у нас возникали какие-то массовые беспорядки, когда бы люди устраивали массовые драки, врывались бы в административные здания» [7]. Аналогичное мнение высказала и активистка протестного движения «За честные выборы», наблюдатель на выборах в Государственную думу РФ 2011 г. Анастасия Кузнецова: «Я думаю, что протестное движение вообще трудно организовывать в регионах, так как головные офисы всех оппозиционных партий находятся в Москве, также все медийные, узнаваемые личности находятся в столице и просто некому повести людей на серьезный протест в регионах. Также существует мнение, что люди, которые живут в провинции, более аполитичны, чем жители столицы, я полностью согласна с таким мнением. Надо просто признать, что градус оппозиционной настроенности в Москве гораздо выше, чем в регионах. Ведь организаторам митинга на проспекте «Сахарова» было достаточно кинуть клич в социальные сети, и собралось огромное количество протестующих, в регионах, конечно, такое практически невозможно. Я считаю, что в регионах у протестного движения отсутствуют яркие лидеры, и это самая большая проблема для протестного движения» [4].

Возможность. Под этим понятием понимается «структура политических возможностей», то есть политические правила и условия, которые определяют рамки возможностей для создания коллективного действия как такового, возможность участия в нем и возможность его развития. В Башкортостане в период с 2008 по 2012 гг. сложилась двоякая ситуация: с одной стороны, органы власти допускали различные протестные акции, митинги и демонстрации, с другой – препятствовали их дальнейшему развитию. Это осуществлялось двумя путями. Во-первых, местные СМИ практически не освещали и не анонсировали информацию о протестной активности. Во-вторых, слишком активных лидеров протестов правоохранительные органы преследовали, а некоторых, например Айрата Дильмухамедова, даже осудили [1]. Таким образом, политический климат в регионе позволял существованию протестной активности, но не давал ей развиваться и приобретать большие масштабы.

Один из лидеров оппозиционного движения в регионе, руководитель регионального отделения партии Яблоко Сергей Наумкин считает, что протестная активность имеет ограничения в связи с общероссийским политическим контекстом, который сильно влияет на региональные политические процессы. В частности, он указывает, что «самым главным моментом тут стала инаугурация президента Путина, а точнее указы, которые он издал после нее, 7 мая 2012 г. После этого «гайки стали закручиваться» со страшной

силой и очень жестко. Самое главное нам запретили собираться, мирно, без оружия, но в любом месте, как гласит наша Конституция. Этот законопроект был принят очень быстро, для митингов нам выделили крайне неподходящие места, находящиеся на окраинах города. В Уфе есть всего 5 точек, где можно собраться. Это площадь у дворца культуры «Химик», площадь перед дворцом спорта, у дома профсоюзов на улице Мустая Карима, какой-то сквер «Волна» в «Затоне» и в районе бывшего кинотеатра «Орион». Данный законопроект сильно ограничивает права граждан на собрания и отстаивание своих позиций. Например, раньше люди, которые боролись с незаконной застройкой близ своих домов, могли крайне эффективно бороться с землезахватчиками. А после выхода этого закона это стало невозможно, так как правоохранительные органы сразу разгоняют подобные собрания. Но особо устрашающим фактором явилось задержание людей на Болотной площади, некоторые из которых до сих пор находятся в заключении, а на некоторых даже сейчас возбуждают уголовные дела. Конечно, подобные устрашающие факторы имеют место быть и в нашем регионе. После подобных репрессий любые протестные акции «сдуваются». Поэтому я всегда заявляю на всех акциях и собраниях, что нужно быть максимально осторожным в своих действиях и высказываниях. Люди сейчас крайне запуганы, у нас отняли права на управление своим городом, районом, селом, своим домом, отняли право принимать решение по основным вопросам жизнедеятельности страны. Нас лишили право на независимые суды, независимые СМИ, на нормальное жилье, на нормальные дороги. О каком протестном движении может идти речь в подобных условиях?» [9].

Однако, как отмечает С. Наумкин, региональные особенности «структуры политических возможностей» тоже очень важны, и они, в целом, в Республике Башкортостан не очень благоприятны для развития протестных акций. В частности, он говорит: «К сожалению, уровень свободы слова в нашем регионе просто никудашный, корреспонденты получают мизерную зарплату, их руководители задают, что можно говорить, что нельзя, это же относится и к нашим основным каналам, БСТ, «ВСЯ УФА». Как правило, СМИ говорят о небольших, устранимых недостатках, никогда не ругают политическое руководство, и даже серьезное воровство, которое к политике особого отношения и не имеет, у нас замалчивается. Цензура в нашем регионе, безусловно, присутствует, и по-настоящему честных блогеров или журналистов крайне мало. Также это связано с высоким уровнем репрессий за «инакомыслие». Также проблема в том, что выстроенная при Рахимове клановая система сегодня переиначена и еще более усилена, депутаты на выборах отбираются по принципу лояльности существующей власти, а далее фактически по списку вышестоящего руководства. Прделана огромная работа по ограничению любых оппозиционных движений, в первую очередь, в сфере финансов. Даже простая регистрация депутатов на выборах от какой-либо оппозиционной партии

– это целая проблема, так как создан целый ряд ограничений, таких как сбор тысячи подписей и т.д. Протестного движения при такой системе естественно быть не может, так как все оппозиционные партии «удушены» через ограничение их финансирования, потому что бизнесмены просто боятся их финансировать»[9].

Специалист по работе с болельщиками футбольного клуба «Уфа» Андрей Коленченко тоже обращает внимание на роль репрессивных мер со стороны силовых органов власти, которые ограничивают расширение протестных акций или просто не дают им родиться: «Протестное движение в нашем регионе можно охарактеризовать как достаточно немногочисленное и разношерстное явление. В нем можно увидеть как представителей анархических леворадикальных движений, так и умеренных либералов. Самое интересное, что любой социально значимый повод представители данных движений пытаются использовать по максимуму, так как этих самых поводов в нашей республике не так уж и много. Одна из причин немногочисленности протестной активности – это работа наших органов правопорядка, они быстро вычисляют лидеров и проводят с ними так называемые «профилактические беседы», и за счет этого достигается стабильность политической обстановки в регионе. В пример можно привести движение «За честные выборы», которое было популярно в 2012 г. Я помню, что тогда удалось собрать достаточно многочисленный митинг в районе трех тысяч человек, но весь тогдашний протестный потенциал был «задушен» правоохранительными органами. Также можно отметить ситуацию с нашими местными башкирскими националистами, которые очень ярко заявляют о себе в Интернете, но ни одну их массовую публичную акцию я припомнить не могу. Это тоже все связано с тем, что они под жестким контролем у спецслужб» [5].

Однако не только репрессивные меры со стороны власти способствуют сокращению протестных акций. Как признают участники протестных движений, власти часто вполне эффективно действуют и другими способами, которые также являются значимыми ограничителями расширения протестных действий. Так, П. Ксенофонтов указывает на стратегию «разделяй и властвуй», которая оказалась эффективной в борьбе с движением против строительства завода «Кроношпан»: «Я считаю, что властные структуры очень здорово отработали. Мне известно, что была создана команда по противодействию нам, и в январе нас разделили на два лагеря, подняв внутренние противоречия наружу, создавались фейковые акаунты в социальных сетях, которые занимались критикой и провокациями в наш адрес. Далее вокруг нашего движения начали раздувать всевозможные скандалы, после чего нас начали забрасывать всевозможными исками, их было около десяти, из-за этого я был очень сильно занят в судах и не мог заниматься организационной деятельностью» [10]. Е. Давыдов (движение «Стопкроношпан») тоже указывает на роль стратегических действий власти, которые с помощью тактики «кнута и

пряника» успешно сокращали потенциал протестной активности: «Также сыграло роль то, что власти в некоторых моментах пошли на уступки, заложили дороги, построили школы и медицинские учреждения, многим этого показалось достаточно. Я считаю, что уступки со стороны власти, плюс репрессии в комплексе дали желаемый результат для властей, а по поводу раскола, у него были сугубо внутренние причины, и власти не имеют к этому никакого отношения» [8].

Коллективное действие. В понимании Ч. Тилли «коллективное действие» состоит из четырех предыдущих компонентов и является результирующим итогом. Он считает, что успешное коллективное действие невозможно, если один из компонентов отсутствует, так как оно является результатом их комбинации. Это подтверждается нашим частным случаем. В Республике Башкортостан и по сей день существует достаточное количество проблем, благодаря которым поддерживается интерес к протестной активности. Однако другие факторы, такие как слабость оппозиционных организаций, недостаточная степень мобилизации и неблагоприятный политический климат не дают протестному потенциалу полностью себя реализовать, поэтому в Республике Башкортостан в 2008–2012 гг. отмечается более низкая протестная активность, чем в таких регионах, как Пермский край и Тюменская область.

* * *

В ходе проведенного исследования выявлено, что население в Республике Башкортостан имеет гораздо меньшую политическую активность по сравнению с населением двух соседних регионов: Пермским краем и Тюменской областью. Безусловно, в Республике Башкортостан существует множество вопросов и проблем, которые не устраивают население, так же как и в соседних регионах, но жители Башкирии гораздо менее склонны выражать свое недовольство публично, чем в соседних регионах. Это может быть связано с несколькими факторами. В первую очередь, стоит отметить слабость основных протестных акторов региона. Вторым фактором является недостаточная мобилизация. Третьим фактором, оказавшим влияние на развитие протестного движения в регионе, является «структура политических возможностей». Рассматривая все факторы в целом, стоит отметить, что протестный потенциал в Республике Башкортостан в период с 2008 по 2012 гг. был не меньше, чем в соседних регионах, однако по указанным причинам его не удалось реализовать.

Библиографический список

1. Бишшева Г. «Конец света». За что башкирского публициста отправили в колонию строгого режима. 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://proufu.ru/news/novosti/society/konets_sveta_za_chno_bashkirskogo_publitsista_otp

- ravili_v_koloniyu_strogogo_rezhima/ (дата обращения: 03.09.2017). [Biisheva G. "The End of the World". Why the Bashkir publicist was sent to a colony of strict regime. 2015. Available at: https://proufu.ru/news/novosti/society/konets_sveta_za_chno_bashkirskogo_publitsista_otpravili_v_koloniyu_strogogo_rezhima/ (accessed 03.09.2017)].
2. Гревингхольт Й. Республика Башкортостан: через государственный суверенитет к авторитарному режиму. Уфа, 2004. [Grävingholt J. Republic of Bashkortostan: through the state sovereignty to the authoritarian regime. Ufa, 2004].
 3. Зайнулин Д. Антикронотпан. 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/i1pWKF> (дата обращения: 03.09.2017). [Zaynulin D. AntiKronotpan. 2014. Available at: <https://goo.gl/i1pWKF> (accessed 03.09.2017)].
 4. Интервью автора с А. Кузнецовой от 21.12.16 // Архив автора. [Author's interview with A. Kuznetsova of 21.12.16 // Author's archive].
 5. Интервью автора с А. Коленченко от 20.06.16 // Архив автора. [Author's interview with A. Kolenchenko of 20.06.16 // Author's archive].
 6. Интервью с В. Золотаревым от 12.03.2016. // Архив автора. [Author's interview with V. Zolotarev of 12.03.2016 // Author's archive].
 7. Интервью автора с В. Рябовым от 4.03.16 // Архив автора. [Author's interview with V. Ryabov of 04.03.16 // Author's archive].
 8. Интервью автора с Е. Давыдовым от 23.11.16 // Архив автора. [Author's interview with E. Davydov of 23.11.16 // Author's archive].
 9. Интервью автора с С. Наумкиным от 29.03.16 // Архив автора. [Author's interview with S. Naumkin of 29.03.16 // Author's archive].
 10. Интервью автора с П. Ксенофоновым от 23.11.16 // Архив автора. [Author's interview with P. Ksenofontov of 23.11.16 // Author's archive].
 11. Семенов А., Лобанова О. Ю. Как люди и организации требуют изменений: Исследование репертуара протестных действий в Тюмени // Мониторинг общественного мнения. № 6 (118). Ноябрь-декабрь 2013. С. 30–38. [Semenov A., Lobanova O. Yu. How people and organizations require changes: Studying protest actions in Tyumen // The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2013. No. 6 (118). November-December. P. 30–38].
 12. Семенов А. От экономического кризиса к политическому? Динамика протестных требований в российских регионах (2008–2012 гг.) // Журнал исследований социальной политики. 2016. Том 14. № 2. С. 151–160. [Semenov A. From economic crisis to political? Dynamics of protest demands in Russia (2008-2012) // The Journal of Social Policy Studies. 2016. Vol. 14. No. 2. P. 151–160].
 13. Лобанова О. Ю. От обывателей к активистам и обратно. Обзор протестных исследований в России 1991–2015 гг. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2015/103/31.html> (дата обращения: 03.09.2017). [Lobanova O. Yu. From the philistines to the activists and back. Review of protest studies in Russia in 1991–2015. 2015. Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2015/103/31.html> (accessed 03.09.2017)].

14. *Петров Н. В., Титков А. С.* Рейтинг демократичности регионов Московского Центра Карнеги: 10 лет в строю. М., 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://carnegieendowment.org/files/CP_Petrov_Rus_2013.pdf (дата обращения: 03.09.2017). [Petrov N. V., Titkov A. S. Carnegie Moscow Center's democracy rating of Russian regions: 10 years in service. Moscow, 2013. Available at: http://carnegieendowment.org/files /CP_Petrov_Rus_2013.pdf (accessed 03.09.2017)].
15. *C. Tilly.* From mobilization to revolution. London: Addison-Wesley, 1978.
16. *D. McAdam, R. J. Sampson, S. Weffer, H. MacIndoe.* There Will Be Fighting In The Streets: The Distorting Lens Of Social Movement Theory. 2005.
17. *D. McAdam, S. Tarrow, C. Tilly.* Dynamics of Contention. New York: Cambridge University Press. 2001.
18. *T. Kuran.* Now out of never. The elements of surprise in the East European revolution of 1898. World Politics. Vol. 44. No. 1 (Oct., 1991).

PROTEST ACTIVITIES OF THE POPULATION OF BASHKORTOSTAN IN COMPARATIVE PERSPECTIVE

P. G. Krikunov

Postgraduate Student, Department of Political Science, Sociology and
Public Relations, Ufa State Oil Technical University

S. N. Shkel

Center for Comparative History and Politics Studies
Perm State University,
Ufa State Petroleum Technological University

The article analyzes the specific features of protest activities in the Republic of Bashkortostan in 2008-2015 in comparison with the neighboring Perm and Tyumen regions. Data analysis was conducted with the application of both quantitative and qualitative methods. To determine the dynamics of protest activities, event analysis was used on the basis of the Integrum program. This helped to make a conclusion about the relatively low intensity of protest actions in Bashkiria in comparison with the neighboring regions. To explain this, the qualitative method was used in the form of informal interviews with civil activists and politicians of the region. Using the analytical framework of C. Tilly, the author concludes that the main factors limiting the development of protest activities in the Republic of Bashkortostan are the weakness of the opposition's organizational and resource base, the lack of mobilization, the ambiguity of the structure of political opportunities, and the volatility of political cycles.

Keywords: event analysis; political protest; mobilization; political crisis; Republic of Bashkortostan.